

ПОЛЕМИКА ПРОФЕССИОНАЛОВ:

конкуренция и опровержение исследовательских программ в современной философии

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Виталий Куренной. Кандидат философских наук, доцент, заведующий отделением культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.
E-mail: kurennoj@yandex.ru.

Ключевые слова: дискуссия в философии, дескриптивная психология, феноменология, логический позитивизм, Дильтей, Эббингауз, Гуссерль, Шлик.

В центре работы находится проблема дискуссии в современной философии и ее результативности. Обосновываются два основных тезиса: 1) полемика в философии ведет к исчезновению плохо обоснованных или не реализовавших стратегию защиты позиций и целых исследовательских программ; 2) наличие несовместимых по базовым допущениям философских программ оказывает стимулирующее воздействие на интенсивность их разработки, то есть является фактором продуктивной профессиональной конкуренции. Анализируются две ключевые полемики конца XIX — первой трети XX века: критика Г. Эббингаузом философской программы «дескриптивной психологии» В. Дильтея и односторонняя полемика М. Шлика с проектом феноменологической философии и работами Э. Гуссерля.

DEBATES AMONG PROFESSIONALS: COMPETITIVENESS AND REJECTION OF RESEARCH PROGRAMMES WITHIN CONTEMPORARY PHILOSOPHY

VITALY KURENNOY. PhD, Associate Professor, Head of the School of Cultural Studies of National Research University Higher School of Economics.

Address: 21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.
E-mail: kurennoj@yandex.ru.

Keywords: debates in philosophy, descriptive psychology, phenomenology, logical positivism, Dilthey, Ebbinghaus, Husserl, Schlick.

This paper focuses on debates in contemporary philosophy and on the productiveness of these debates. The article brings forth two main theses: firstly, debates in philosophy quickly lead to the elimination of poorly substantiated positions and unfounded research programs; secondly, the coexistence of fundamentally incompatible philosophical programs stimulates their development—that is, incompatibility brings about productive professional competition in philosophy. To substantiate these claims the author analyzes two notorious debates of the late 19th and early 20th century: Hermann Ebbinghaus's critique of Wilhelm Dilthey's descriptive psychology, and Moritz Schlick's one-way discussion of the phenomenological project and Edmund Husserl's works.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

СЕГОДНЯ философия в общественном мнении имеет репутацию интеллектуальной деятельности, в которой противоречащие друг другу позиции не способны прибегнуть к каким-то процедурам, позволяющим однозначно разрешить их герметичное противостояние. Это популярное мнение, определяющее, помимо прочего, повседневное понимание «философии» как безрезультатного разговора на общие темы, поддерживается также некоторыми более рафинированными взглядами, находящими себе место в пределах самой философии. В конечном счете они сводятся к различным вариантам перспективистского релятивизма. Последний же оформляется или метафорами созерцания (например, «мировоззрение»), или метафорами языка (например, «языковые игры» и «концептуальные схемы»); отсылает к особенностям индивидуальной («каков человек, такова и его философия») или коллективной природы человека («менталитет»); основывается на апелляции преимущественно к ценностям, когда речь идет о «войне богов»¹, или, напротив, напирает на различие «типов рациональности», как, в частности, в рамках получившего широкое распростране-

Статья и блок переводов Г.Эббингауза, Э.Гуссерля и М.Шлика, публикуемых в настоящем номере журнала, подготовлены в рамках работы над проектом по гранту Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Институциональная история философии: формирование профессиональной философии в немецкой институциональной среде XVIII–XX вв.» 12–03–00451 (а).

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt>].

ние в современной российской философии различия «классики, неклассики, постнеклассики»².

Нельзя сказать, что обсуждение этой проблемы в подобном релятивистском ключе не представляет собой самостоятельного интереса в систематическом отношении или в плане выявления исторических предпосылок подобной многосторонней релятивизации. Тем не менее можно предложить другую постановку вопроса, которая могла бы сделать обсуждение данной проблемы более эвристически-продуктивным. И здесь, на мой взгляд, в общем виде стоит ориентироваться на современную философию науки, продуктивность, да и само существование которой определялось переориентацией с обсуждения априорных и нормативных критериев научного познания на анализ реальной практики науки. Излишне подробно комментировать, насколько современная философия науки — вплоть до выделившихся сегодня в отдельное направление *Science and Technology Studies* — своим содержанием обязана обращением к фактическому и историческому анализу научной практики. Именно в рамках подобной модификации исследовательской логики написана настоящая статья и выбраны два кейса подобных дискуссий (полемика о дескриптивной психологии и полемика Шлика против феноменологии).

ТЕЗИСЫ

Основные систематические тезисы, обоснованию которых служит рассмотрение приведенных здесь исторических сюжетов, сводятся к следующему. Несмотря на бытующее представление о философии как рыхлой интеллектуальной практике, допускающей сосуществование самых разных — вплоть до противоречивых — взглядов, анализ истории современных философских дискуссий показывает:

- 1) полемика в философии достаточно быстро ведет к исчезновению плохо обоснованных или не реализовавших полноценным образом стратегию защиты позиций и целых исследовательских программ (случай критики Германом Эббингаузом философской программы «дескриптивной психологии»);
2. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.

- 2) наличие несовместимых по базовым допущениям философских программ оказывает стимулирующее воздействие на интенсивность их разработки, то есть является фактором продуктивной профессиональной философской конкуренции (случай полемики Морица Шлика с проектом феноменологической философии).

Тем самым, разумеется, я хочу также сказать, что в плане дискуссионной коммуникации современная философия при соблюдении некоторых условий по определенности своих правил ничем не отличается от других научных дисциплин, имеющих репутацию «точных». Но при этом она также обнаруживает достаточную гибкость и вариативность, позволяющую минимизировать, в частности, иррациональные издержки победы одной научной «парадигмы» над другой и тем самым сформировать резидиум концептуального многообразия, достаточный для того, чтобы обеспечивать в том числе теоретическую подвижность для конкретных предметных научных дисциплин. Существование в современной философии двух таких несовместимых по ряду базовых допущений философских направлений, как феноменология и аналитическая философия, является лучшим подтверждением этому тезису.

Предложенная постановка вопроса предполагает некоторый новый взгляд на историю философии — здесь предлагается взглянуть на нее не как на хронологическую последовательность отдельных философов и философских школ, равно и не как на историю философских проблем большей или меньшей степени вечности, а как на историю философских полемик — с той степенью исторической тщательности, с которой нам позволяет это сделать доступный эмпирический материал. С другой стороны, попытка реализовать эту программу исследований на всем материале истории философии неизбежно будет тяготеть к тому, чтобы в конечном итоге конституироваться в виде истории философских проблем. Объясняется это тем, что дисциплинарная философская память организована совершенно специфическим образом³: она фактически без ограничений может дискуссионным образом соотносить исторически необычайно далекие позиции — бесконечный спор в современной философии с Декартом по поводу психофизи-

3. В этом заключается важнейшее отличие философии от других современных научных дисциплин. Если и говорить о философии как о специфической науке, то эта специфика заключается прежде всего в особой структуре ее дисциплинарной памяти, способности актуализировать фактически любой элемент ее исторической традиции.

ческой проблемы является наилучшим тому доказательством. Поэтому наши два основных систематических тезиса следует уточнить с помощью третьего — структурно-исторического — тезиса:

- 3) философская дискуссия с указанными характеристиками возможна между актуальными позициями в рамках современной саморегулирующейся (автономной) профессиональной философии, имеющей институционализированный характер.

В данной статье специально не рассматривается понятие «профессионализм». Достаточно лишь отметить, что в современной литературе по этому вопросу одним из базовых критериев профессии считается наличие указанной в этом тезисе широкой области автономной саморегуляции⁴, а наличие продуктивной дискуссии как раз и можно назвать одним из механизмов подобной саморегуляции. С учетом этого обстоятельства акцент на современной философии, существующей в контексте определенной институциональной структуры, позволяет более точно определить исторические рамки релевантности сформулированных тезисов.

Задача настоящей статьи заключается не только в том, чтобы формально обосновать сформулированные тезисы, но также проанализировать структуру дискуссии, а по возможности и объяснить механизм ее действия. Как и в ряде других работ, я исхожу из того, что наличие необходимых формальных и содержательных аргументов не является достаточным основанием для заметной коррекции научно-философской позиции и корректировки философской исследовательской программы, поддерживаемой частью философского сообщества. Поэтому в настоящей статье внимание уделяется также социальным и институциональным рычагам усиления аргументации — случай критики Эббингаузом концепции Дильтея представляет в этом отношении особый интерес.

Рассматриваемые ниже случаи функционирования философского дискурса являются только фрагментами более общей картины функционирования современной философии — пусть и типологически значимыми. Однако, на мой взгляд, двигаясь в этом исследовательском направлении, мы можем лучше понять структуру и объяснить динамику изменений современной философии, осу-

4. Ср.: *Goode W. J. The Theoretical Limits of Professionalization // The Semi-Professions and Their Organization / E. Amitai (ed.). N. Y.: Free Press. P. 266–313; Corwin R. G. Sociology of Education. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1965.*

ществовать эмпирически-фундированную критику бытующих гуманитарных стереотипов на этот счет — будь то концепция «академического поля» в смысле Бурдье или «парадигмы» в смысле Куна. В этой статье мы не останавливаемся на этом возможном компаративно-теоретическом аспекте результатов, получаемых в рамках предложенного исследовательского подхода. Однако данная работа, безусловно, имеет в виду и эту более отвлеченную теоретическую проблематику.

К ТИПОЛОГИИ ФИЛОСОФСКИХ ДИСКУССИЙ

В порядке самой общей периодизации досовременных типов философской дискуссии кратко поясним смысл исторического ограничения настоящей работы, заданного рамками современной профессионализированной философии. Тем самым мы отвлекаемся от рассмотрения досовременной, в том числе средневековой, философии. Несмотря на то что именно в Средние века разрабатываются некоторые кодифицированные процедуры философской полемики, в частности форма диспута, равно как и формируется специальный эзотерический язык философии («схоластика»), философия здесь, как и в ряде других случаев⁵, не является саморегулирующейся (автономной) деятельностью, поскольку разворачивается в границах согласия с определенным догматическим порядком. Предпосылки для решающей автономизации философии, как и для автономизации научной рациональности в целом, формируются лишь в период Нового времени, который можно считать переходным в контексте вопроса о периодизации типов философской дискуссии. Однако вплоть до Канта автономность фи-

5. К таковым следует предположительно отнести советскую философию и философию в России имперского периода. В частности, социальный историк России имперского периода Элис К. Виртшафтер считает, что «в имперской России традиционные свободные профессии или „великие частные профессии“, связанные с правом, управлением и университетским образованием, никогда полностью не развернулись; они никогда не достигли должной независимости в своей „основной деятельности“ или в контроле над правом для своих членов, чтобы считаться чем-то большим, чем „искателями мест“ или „полупрофессионалами“. Частично отстранив юристов... ни одна из традиционных или новых специальных профессий никогда не получала возможности контролировать свое образование, лицензирование, наем на работу и поведение (этику)» (*Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002. С. 200–201*).

лософской рациональности утверждается сегментированно, в его конкретном случае — путем разделения функций публичного (автономного) и частного (подчиненного правительственным нормам) применения разума⁶. В практике философской работы подобное сегментирование, как известно, ведет к тому, что Кант как философ *ex officio* читает лекции по учебникам, доктринальное содержание которых он же и опровергает, выступая как философ-литератор в публичном пространстве. Таким образом, институционализированная философская деятельность реализуется в этот период (фактически до конца XVIII века) как форма ограниченной рациональности, а публично-литературная — как форма автономной рациональности (предпосылкой чего является, конечно, определенный идеал публики в тот период — это весьма ограниченный слой образованных людей, которому приписывается способность к рациональному суждению⁷). Ослабление внешнего (правительственного и при этом все еще аффилированного с религией) догматического порядка протекает неравномерно в разных странах, однако переломным здесь является XIX век, представляющий собой крайне сложную и интересную в историческом плане констелляцию различных конфигураций. Кроме того, именно в начале XIX века складывается собственно современный дизайн научно-образовательных институтов. Общая тенденция, наметившаяся в этот период и достигшая своего завершения в XX веке, полностью переопределяет ситуацию — вплоть до противоположной. Здесь опять же образцовой является позиция Макса Вебера в докладе «Наука как призвание и профессия»: теперь уже пространство институционализированного знания (университет) выступает как область автономной рациональности, тогда как за ее пределами, напротив, разворачивается иррациональная, ценностная «война богов»⁸. Немецкий абсолютный идеализм является в дан-

6. См.: Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения, в 4 т. на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Ками, 1993. С. 125–147.

7. Эта предпосылка рациональности публики лежит в основе всей классической теории свободы слова — от Джона Мильтона до Джона Стюарта Милля, а Кант принадлежит именно к этой традиции. Распространение и массовизация грамотности уже в XIX веке постепенно переопределяет эту ситуацию — разумная публика превращается в иррациональную «массу».

8. Этому описанию противоречит, на первый взгляд, концепция «публичности» Ю. Хабермаса, но в действительности она его только подтверждает: сформулировав свою теорию публичной рациональности на материале раннебуржуазного общества, Хабермас придал ей нормативный характер, плохо совместимый с реальным состоянием нынешней области общественного мнения, подверженной инструментальной манипуляции. Ср.: Плотников Н.

ной истории любопытным, но непродолжительным и в конечном счете неудавшимся проектом рационализации как научной, так и общественно-публичной сферы в рамках всеобъемлющей философской системы, основанной на предпосылке исторически достижимого, а также понятийно обоснованного совпадения нормативного и фактического порядка («все действительное разумно»).

В рамках определенной таким образом структурно-исторической рамки настоящей статьи, предметом которой являются две конкретные философские полемики XIX — первой трети XX века, кратко охарактеризуем некоторые особенности философской дискуссии в переходный период XIX века, тем более что это позволит нам кратко указать на некоторые современные исследования. В близком отношении к предлагаемой здесь постановке вопроса находятся результаты немецкого проекта, посвященного трем «великим спорам» середины XIX столетия в немецкой научно-философской среде — споре о материализме, споре о дарвинизме и споре об *ignorabimus*. В 2007 году под редакцией Курта Байерца, Мириам Герхард и Вальтера Йешке был издан трехтомник, посвященный указанным трем спорам⁹. Поскольку этот сюжет позволяет конкретизировать более позднюю ситуацию в философии, которая связана с дискуссией об «описательной психологии» и формированием проекта логического позитивизма через дискуссию с проектом феноменологической философии в начале XX века, рассмотрим некоторые особенности этих споров второй половины XIX века.

Содержательно указанный проект немецких коллег был призван заполнить определенные лакуны по истории немецкой философии XIX века. Методологически же он определяется как «история проблем», для которой «история философии представляет собой не столько ряд отдельных авторов и их работ, сколько, скорее, последовательность процессов генезиса проблем, с одной стороны, и попыток их разрешения — с другой»¹⁰. Коль скоро речь идет об истории проблемы, то, заметим, такая постановка вопроса уже выводит за пределы предлагаемого здесь исследования профессиональной философской дискуссии. Само появление и зна-

Власть аргумента и public relations: 70 лет Хабермасу // Логос. 1999. № 8. С. 119–122.

9. Weltanschauung, Philosophie und Naturwissenschaft im 19. Jahrhundert / K. Bayer, G. Myriam, J. Walter (Hg.). Bd. I: Der Materialismus-Streit; Bd. II: Der Darwinismus-Streit; Bd. III: Der Ignorabismus-Streit. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2007. В 2012 году проект был дополнен также антологиями с основными текстами по каждому из споров.

10. Bayertz et al. Op. cit. Der Materialismus-Streit. S. 8.

чение «трех великих споров» обусловлено прежде всего тем, что в период их разворачивания естествознание заявляет о себе как о «третьей силе», о принципиальной мировоззренческой позиции, противостоящей двум другим важнейшим конкурентам — философии и религии (что и нашло отражение в рамочном названии указанного проекта — «Мировоззрение, философия и естествознание в XIX веке»). Вторым важным контекстом указанных «трех великих споров», объясняющим их необычайное напряжение и ожесточение в немецкой интеллектуальной среде, является их политическая подоплека — неудача революции 1848 года привела к преобразованию оппозиционной политической программы в форму «естественно-научного» мировоззрения, связавшего надежды на национальное объединение и демократизацию с прогрессом науки. Этим обусловлен общественный резонанс указанных «трех великих споров»¹¹: они вышли далеко за пределы научного и философского сообщества, вызвав широкий отклик у образованной публики и даже, как отмечают комментаторы, в среде рабочего класса. Широкий публичный резонанс данных споров подтверждает и их быстрой трансфер в инокультурные контексты. До России дискуссии докатилась первоначально в литературной форме романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», а позднее — в форме научно-философской публицистики прежде всего Николая Николаевича Страхова. Страхов не только перевел ключевую для спора о материализме философскую работу — книгу Фридриха Альберта Ланге «История материализма и критика его значения в настоящее время»¹². В целом ряде своих собственных произведений, но прежде всего в сочинении «Мир как целое» (1872)¹³ Страхов, —

11. Пожалуй, лишь спор об *ignorabimus* имел более специальный и профессиональный характер, вызвав реакцию, прежде всего, со стороны ученых — как естествоиспытателей, так и математиков.
12. Работа вышла на немецком в 1866 году, русский перевод Страхова появился в 1881–1883 годах. Самая известная работа партии естествоиспытателей-материалистов — книга Людвиг Бюхнера «Сила и материя» (1855) — была переведена на русский язык в 1860 году. «Сила и материя» является одной из самых популярных немецких философских работ: только в Германии она выдержала 19 изданий до конца XIX века, не считая многочисленных переводов на другие языки.
13. *Страхов Н. Н.* Мир как целое. Черты из наук о природе. М.: Айрис-Пресс, 2007. Предисловие к этому современному изданию можно считать ярчайшим образцом неспособности научно-исторически отнестись к этой любопытной работе Н. Страхова которая по меньшей мере демонстрирует его замечательную отзывчивость на основные европейские дискуссии своего времени. Вместо этого Страхов поставлен в контекст философской антропологии XX века (и объявлен одним из ее основоположников), а также «ан-

не выходя в целом за пределы формулы «мирного сосуществования» естествознания, философии и религии, сформулированной Ланге, — оригинально изложил множество антиматериалистических и антидарвинистских аргументов, и даже мельком затронул более позднюю дискуссию об *ignorabimus*, инициированную Эмилем Генрихом Дюбуа-Реймоном в 1872 году¹⁴.

Начало периода, хронологически охватывающего три «великих спора», приходится на тот этап истории современной философии, когда прежде всего в немецкой университетской среде идет формирование сциентизированной модели философии. Как указывает в своем фундаментальном исследовании генезиса неокантианства К. Х. Кёнке, именно в 1850-х годах все отчетливее формируется расхождение между профессиональной университетской философией и философией «популярной»: «Эстетическим, жизненно-мировоззренческим интересам публики (*Öffentlichkeit*) противопоставляется программа строго „научной“ университетской философии, которая прежде всего должна внимательно следить за четким разделением чистой теории и общественно-политических интересов, не смешивая тем самым научное и популярное мышление»¹⁵. Тезис Кёнке о размежевании популярной и научной философии в целом представляется нам верным, тем не менее его можно скорректировать в двух отношениях. Во-первых, указанное размежевание не было хронологически строго определенным¹⁶ — это обнаружи-

тропного принципа». Стремление ретроспективно компенсировать отсутствие сколько-нибудь широкого отклика на работу Страхова, на что сетует, в частности, Н. П. Ильин (Мальчевский) в предисловии к указанному изданию, путем приписывания ему роли великого, но игнорируемого философа не может служить заменой анализа ее исторического, проблемного и социокультурного контекста, равно как и выяснения причин отсутствия подобного отклика.

14. Дюбуа-Реймон Э. О границах познания природы: Семь мировых загадок. М.: КД Либроком, 2009. Русский перевод работы вышел в 1901 году.
15. Köhnke K. C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. S. 121.
16. Призывы очистить философию от политики раздавались и раньше, до указанного Кёнке инцидента. Например, А. Тренделбург пишет в начале 1840-х годов: «Нет ничего более губительного для науки, нет ничего более страшного для основательного и свободного исследования, чем страстное смешение философского и преходяще политического. Бросаясь в объятия партий, наука забывает *суть дела* (*Sache*), которую она должна возвышать до наследия, сохраняющегося на все времена, и становится приверженной современности; и вместо покоя и терпения трудных штудий она привыкает к беспокойству и нетерпению преходящих вопросов. Философия не должна изолироваться от времени, напротив, ее призвание — рассматривать

вают как раз указанные три великих спора, хронологически охватывающие несколько десятилетий второй половины XIX века, в которых были задействованы ученые, философы и теологи — при внимании и сочувствии широких социальных слоев образованной публики¹⁷. Во-вторых, можно констатировать определенную цикличность в попытках современных философов (преимущественно — в индивидуальном порядке) выйти за границы профессиональной философии и включиться в более широкое поле публичности. В качестве примеров такой стратегии можно указать на проект Международного ежегодника по философии культуры «Логос», изначально представлявший собой попытку популяризации достижений немецкого неокантианства¹⁸. Среди современных примеров я сошлюсь на характерную жанровую траекторию работ Герберта Шнедельбаха — одного из наиболее авторитетных немецких профессоров философии, который после выхода на пенсию обратился к философской публицистике¹⁹. В своей последней книге, представляющей собой как раз популярно-эссеистическое произведение, адресованное широкой публике, — «Что знают философы, и чему у них можно научиться» — Шнедельбах подвергает рефлексии специфический контекст немецкой философии второй половины XX века, в рамках которой первоначальная война философских школ разной идеологической направленности (известная сегодня в России прежде всего по многочисленным теперь переводам авторов, принадлежавших к Франкфуртской школе), а также школ, группирующихся вокруг «великих ординариусов» и «выдающихся мыслителей» вроде Мартина Хайдеггера и Пауля Лоренца, была постепенно нейтрализована, а сама практика философской работы — сциентизирована. Не в последнюю очередь этого удалось достичь благодаря изменению структуры поддержки научных проектов в этой области: «Все это в конечном счете

его в перспективе вечного...» (*Trendelenburg A. Die logische Frage in Hegel's System. Leipzig: Brockhaus, 1842. S. 32*).

17. В точности так же, как внимание образованной публики в настоящее время вызывает реинкарнация спора об эволюции в американской интеллектуальной среде, затеянного под впечатляющим своей новизной предводительством Д. Деннета и К. Р. Докинза.
18. См.: *Куренной В. Межкультурный трансфер знания: случай «Логоса» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008–2009 год [9] / Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М.: Регнум, 2012. С. 133–217.*
19. В 2012 году Герберт Шнедельбах получил наиболее престижную премию по немецкой философской эссеистике — *Tractatus*, вручаемую в рамках ежегодного австрийского симпозиума *Philosophicum URL: <http://www.philosophicum.com>*.

пришло в упадок — прежде всего в силу изменения в системе поддержки науки, которая теперь распространялась на проекты, которые были ориентированы не на персоны, а на темы, что побуждало в первую очередь молодое поколение к кооперации в работе за пределами школьных границ. Таким образом, формировались все новые кружки, которым их прогрессирующая специализация позволяла убедиться в том, что они действительно могут получить возделенные средства на исследования, а в это же время разворачивался процесс образования все новых специальных сообществ и профессиональных журналов. Эта тенденция усиливалась благодаря постоянно возрастающим требованиям к квалификации научного персонала; в силу огромной конкуренции было необходимо демонстрировать отличное знание определенного частного сегмента философии, а также по возможности быть включенным в международные сети, чтобы иметь шанс на получение профессуры. Для универсальных дилетантов, каковыми сегодня более молодые коллеги считают многих пожилых коллег, больше нет места»²⁰. Если обратиться к другому культурному контексту — американской аналитической философии, то впечатляющий пример попытки преодолеть эзотерическую замкнутость профессиональной философии и вернуть ее в публичное пространство обсуждения общественно значимых вопросов в духе Джона Дьюи представляла собой философия Ричарда Рорти²¹. Все эти примеры обнаруживают, что профессионализацию современной философии нельзя понимать как завершенный процесс. Точнее будет сказать, что современная философия в XIX веке оформляется как структурное сочетание двух взаимодополняющих диспозиций. В рамках этой структуры периодически берет верх тенденция к профессионализации и сциентизации, сменяемая столь же регулярными попытками преодолеть эту модерновую тенденцию к специализации, войти в более гибкую роль «публичного интеллектуала» и вернуться в публичное пространство, доступное для понимания широкого образованного сообщества²². В качестве причин возобладания той или иной тенденции выступают, как можно пред-

20. *Schnädelbach H.* Was Philosophen wissen und was man von ihnen lernen kann. 2. Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2012. S. 8–9.

21. Ср.: *Рорти Р.* Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.

22. По этой причине в философии существует обширная традиция рефлексии позиции «интеллектуала». См.: История и теория интеллигенции и интеллектуалов (Мыслящая Россия) / Под ред. В. Куренного. М.: Фонд Наследие Евразии, 2009.

положить, характер состояния интеллектуального пространства и динамика привлекательности той или иной позиции в этом пространстве: высокая привлекательность университетской позиции в сочетании с ее потенциальной достижимостью формирует тенденцию к профессионализации и сциентизации²³, тогда как низкая привлекательность этой позиции, ее недостижимость или, напротив, исчерпание возможностей университетской карьеры (как в случае эмеритировавшегося профессора) создают условия для реализации обратной стратегии, нацеленной на экзотеризацию философского знания. К указанным причинам следует также добавить еще один мотив сциентизации, характерный для XX века, а именно: стратегия сциентизации выступает как защитная реакция по отношению к идеологическому давлению общественно-политической среды существования научных и образовательных институтов. Этот мотив в полной мере проявил себя в XX веке в немецкой и американской институционализированной философии и обществознании²⁴. Напротив, стремление играть широкую пуб-

23. Она, как следует из приведенных слов Шнедельбаха, может быть, в свою очередь, поддержана определенной политикой организации и финансирования научных исследований со стороны внешних акторов, прежде всего государства. Частные инвесторы, напротив, часто стимулировали создание идеологически ангажированных институтов. В качестве подтверждения здесь можно указать не только на Институт социальных исследований во Франкфурте, положивший начало Франкфуртской неомарксистской школе, но и на Центр современных культурных исследований (*The Centre for Contemporary Cultural Studies*) в Бирмингеме, созданный первоначально на деньги издательства *Penguin Books*.
24. В немецком контексте можно назвать Макса Вебера и его идею ценностно-нейтральной науки (подробный анализ в компаративном аспекте см.: Куренной В. Лев Толстой и Макс Вебер о ценностной нейтральности университетской науки // Вопросы образования. 2010. № 3. С. 48–75). Что касается американского контекста, то подобный механизм сциентизации в полной мере заработал в эпоху маккартизма, что привело к существенной модификации европейской по своему генезису программы логического позитивизма, изначально весьма открытого к постановке общественно-политических и мировоззренческих вопросов, превращению ее в «чистую» аналитическую философию, центрированную прежде всего на формальных инструментах анализа языка и науки. См.: *Веретенников А.* Университетская философия в США: история нейтрализации // История и теория интеллигенции и интеллектуалов (Мыслящая Россия). М.: Фонд Наследие Евразии, 2009. С. 337–350; *McCumber J.* Time in the Ditch: American Philosophy in MacCarthy Era. Ill., NWU Press, 2001; *Reich G. A.* How the Cold War Transformed Philosophy of Science: To The Icy Slopes of Logic. N. Y.: Camb. UP, 2005. Отдельный вопрос связан с реализацией этой же стратегии в контексте истории науки в СССР. Однако до сих пор не наблюдается попыток серьезно проследить именно этот тренд в истории советской философии.

личную и общественно-политическую роль в рамках более или менее вегетарианского политического режима регулярно ведет к отрицанию нейтрализованного сциентизма²⁵.

Исходя из обозначенной общей динамики, можно теперь сузить нашу проблему до более локального вопроса о профессиональной философской дискуссии, которая, согласно вышесказанному, в наиболее рафинированном виде будет обнаруживаться в период доминирования тенденции к сциентизации философии. Два предложенных здесь для рассмотрения случая полемики, оказавших, на наш взгляд, самое существенное влияние на формирование профиля феноменологии и аналитической философии, имели сугубо профессиональный философский характер. Они не вызывали никакого публичного резонанса и велись на очень техническом эзотерическом уровне аргументации. Но до того, как рассмотреть их более пристально, следует завершить эту историко-концептуальную преамбулу, в порядке перечисления указав ряд ключевых профессиональных дискуссий в немецкой университетской философии XIX века. Если иметь в виду основные полемики с максимальными долгосрочными последствиями, то можно указать следующие:

1. Критическая атака Фридриха Эдуарда Бенеке на системотворчество немецкого идеализма, увязанная с программной переориентацией философии сознания Кантовского²⁶

Канон «великих философов» советского периода, конструирующийся в настоящее время в российской философской среде (см., напр., серии «Философия России первой/второй половины XX века» издательства РОССПЭН), формируется в рамках иной стратегии, а именно через позиционирование советских философов в терминах идеологической конфигурации, прежде всего идеологического противостояния власти. Ср. интервью с одним из редакторов названных серий: *Щедровицкий П. Уход «философского парохода» был катастрофой для России*. 02.11.2012. URL: <http://www.russ.ru>, а также документальный сериал А. Архангельского «Отдел» (2010).

25. В полной мере тенденция проявляется в XX веке — в рамках модели «ангажированного интеллектуала», однако образцовой здесь является формулировка Ницше (1874): «Правда, та „истина“, о которой так много говорят наши профессора, есть, по-видимому, менее притязательное существо, не грозящее никаким беспорядком или непорядком: удобное и добродушное создание, которое непрерывно уверяет все существующие власти, что оно никому не хочет причинять никаких хлопот, ведь оно есть лишь „чистая наука“. Итак, я хотел сказать, что немецкая философия должна все более разучаться быть „чистой наукой“» (*Ницше Ф. Шопенгауэр как воспитатель // Ницше Ф. Полное собрание сочинений / Под. ред. С. Франка и Г. Рачинского. М.: Московское книгоиздательство, 1909. Т. 2. С. 194*).
26. Таким образом, Бенеке наряду с Шопенгауэром (считавшим, кстати, Бенеке чуть ли не главой заговора университетских профессоров против него) на-

- образца на эмпирическое исследование сознания²⁷. Бенеке, таким образом, был основателем программы «психологизма», достигшей своего полного расцвета во второй половине XIX века.
2. Критика А. Тренделенбургом философской системы Гегеля²⁸, следствием которой было начало формирования исследовательской программы философии как «теории науки». Вслед за Бенеке он также выступал за переориентацию философии с системообразующей на преемственно-кумулятивную модель развития. Кроме того, именно Тренделенбург ввел в немецкую философию XIX века формулу «назад к...» (у самого Тренделенбурга — назад к Аристотелю и Платону), которая позднее стала общей формулой неокантианства.
 3. Дискуссия главного методолога немецкой исторической школы Иоганна Густава Дройзена с проектом позитивистской методологии истории Генри Томаса Бокля²⁹. Эта дискуссия сопровождала самостоятельную работу Дройзена над выработкой методологии исторической науки (резюмированной в его «Очерке историки») и является первым дискуссионным оформлением оппозиции сторонников «единой науки» (Бокль) и сторонников специфической методологии гумани-

ставивал на необходимости возврата к Канту еще в период расцвета немецкого абсолютного идеализма, представители которого считали, что оставили кенигсбергского мыслителя далеко позади.

27. См. прежде всего: *Beneke F. E. Kant und die philosophische Aufgabe unserer Zeit.* B.; Posen; Bromberg, 1832.
28. *Trendelenburg A. Logische Untersuchungen.* Bd. I–II. Berlin: Bethge, 1840 (2. ergänzte Aufl. — Leipzig, 1862); *Idem.* Die logische Frage in Hegel's System. Leipzig: Brockhaus, 1843. Poleмика уже в XIX веке подвергалась вторичной рефлексии, ср.: *Sohr Maximilian.* Trendelenburg und die dialectische Methode Hegels. Ein kritischer Versuch. Halle a. d. Saale: J. F. Starcke, 1874. Другая значительная полемика Тренделенбурга — с Куно Фишером в 1860-х годах относительно интерпретации пространства и времени в философии Канта — сыграла значимую роль в оформлении раннего неокантианства и его различных версий, однако имеет намного более локальное значение, чем выдвинутая через полемику с Гегелем программа философии как «теории науки». О дебатах Тренделенбурга и Фишера см. подробнее: *Köhnke K. C.* Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. S. 257–272.
29. См. особенно одно из приложений к его «Очерку историки»: *Дройзен И. Г.* Возведение истории в ранг науки // Дройзен И. Г. Историки. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 526–548. Рецензия на «Историю цивилизации в Англии» Бокля была опубликована Дройзеном в 1863 году. Первая публикация основного текста «Очерка историки» — 1858 год.

тарного познания. Затем эта позиция Дройзена нашла продолжение в рамках масштабного проекта Вильгельма Дильтея по обоснованию методологической и предметной специфики «наук о духе».

4. Критика исторического образования в эссе Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» (1873–1874, в период написания Ницше еще является университетским профессором). Это эссе, как и весь цикл «Несвоевременных размышлений», частью которых оно является, адресовалось широкой публике. Однако оно имело долгосрочные последствия, так как критически эксплицировало проблематику исторического релятивизма и тем самым выступало против засилья историков в пользу аисторической философской позиции: согласно Ницше, «неисторическое и надисторическое» должны быть основными средствами «гигиены жизни» против «исторической болезни»³⁰. Впоследствии можно наблюдать многократные вариации этой темы в рамках профессиональных философских дискуссий — например, в программной статье Гуссерля «Философия как строгая наука» (1911), где обвинения в историческом релятивизме адресованы в том числе Дильтею.
5. Критика психологизма, включающая в себя целый ряд различных итераций, наиболее известной из которых является первый том «Логических исследований» Гуссерля «Пролегомены к чистой логике» (1900). Однако центральной систематической фигурой для формирования антипсихологистской позиции, ориентированной при этом на изучение прежде всего механизмов функционирования языка, является другой мыслитель — Готлоб Фреге, с работами которого Гуссерль был как раз хорошо знаком и критическая рецензия которого на его первую книгу «Философия арифметики»³¹, по всей видимости, и была одним из главных факторов перехода Гуссерля на радикально антипсихологистскую позицию³². Та-

30. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 175.

31. Frege G. Recension von: E. Husserl, Philosophie der Arithmetik, Erster Band, Leipzig, 1891 // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1894. 103. S. 313–332.

32. Еще одним таким фактором могла быть как раз рассматриваемая выше атака Г. Эббингауза на проект описательной психологии Дильтея — Гуссерль демонстрирует глубокую осведомленность об обстоятельствах и, главное, последствиях критической работы Эббингауза.

ким образом, Фреге является ключевой фигурой с точки зрения генезиса сразу двух основных направлений философии XX века — феноменологии и аналитической философии. Если говорить об аналитической философии в аспекте одной из рассматриваемых здесь дискуссий, то одна из ее узловых систематических позиций (в том числе и в плане размежевания с феноменологией) — отрицание наличия «синтетических суждений априори»³³ — первоначально была сформулирована именно Фреге в рамках его программы логицизма, отрицавшей положение Канта о математических истинах как синтетических априорных суждениях³⁴.

Из перечисленных споров, которые я считаю ключевыми в рамках профессионализирующейся немецкой университетской философии XIX века, хорошо изученным является только последний, несмотря на наличие различных моделей объяснения его динамики³⁵. В контексте этих основных профессиональных дискуссий рассмотренные ниже два случая локализованы следующим образом: 1) критика Эббингаузом — это атака на дескриптивно-аналитическую модель «понимающей психологии», которая является, с одной стороны, продуктом психологизма XIX века, а с другой — психологической разработки понимающей методологии гуманитарного знания в русле направления, предложенного Дройзеном; 2) полемика Шлика против проекта феноменологической философии является следствием размежевания двух программ, каждая из которых в систематическом плане может быть возведена к философским инновациям, — феноменологическая философия реализовала вариант непсихологической (антипсихологической) философии сознания, а логический позитивизм — переориентации проблематики философии с изучения сознания на изучение языка (причем обе

33. См. соответствующую статью М. Шлика в настоящем номере журнала.

34. См. прежде всего: *Frege G.* Основоположения арифметики: Логико-математическое исследование о понятии числа. Томск: Водолей, 2000. Работа была впервые опубликована в 1884 году.

35. См.: *Rath M.* Der Psychologismusstreit in der deutschen Philosophie. Freiburg (Bresgau) / München: Alber, 1994; *Kusch M.* Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. L.; N. Y.: Routledge, 1995 (компактное изложение этой работы: *Куш М.* Социология философского знания: конкретное исследование и защита // *Логос.* 2002. № 6 (35). С. 104–134); *Куренной В.* «Прологомены к чистой логике» Э. Гуссерля и спор о психологизме // Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011. С. 225–241; *он же.* Уединение университетского философа // *Логос.* 2007. № 6. С. 63–74.

эти программы, — как в случае Гуссерля, так и в случае Шлика, — оформлялись постепенно, проходя множество фаз в своем развитии). Рассмотрим каждый из этих случаев подробнее.

КРИТИКА ПРОГРАММЫ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Дильтей, выпустивший в 1894 году работу «Идеи к описательной и расчленяющей психологии»³⁶, сочетает в ней два основных тренда профессионализирующейся философии XIX века: как создатель одного из вариантов дескриптивной психологии, он принадлежит к определенной ветви психологизма XIX века, а как автор концепции (психологистской) понимающей методологии, которая, по его замыслу, должна лежать в основе гуманитарного знания в целом, — как продолжатель линии рефлексии методологической специфики гуманитарного знания, заложенной Дройзенем. Дискуссия имела весьма глубокие последствия, что видно уже из текста лекций Гуссерля, специально разбиравшего этот сюжет в своих лекциях по феноменологической психологии в середине 1920-х годов, и полемическая манифестация Эббингауза не обойдена вниманием исследователей, хотя существует, насколько мне известно, в современной литературе только одна работа Фритьофа Роди, специально ей посвященная³⁷. Эта критика осталась Дильтеем без ответа, а в его творчестве наступил многолетний перерыв, воспринимавшийся учениками как определенный разрыв с предшествующей работой. Травма, полученная Дильтеем, была настолько сильной, что он, например, даже отказался принять приглашение Теодора Липпса выступить на психологическом конгрессе в Мюнхене в 1896 году из-за нежелания встретиться там Эббингауза³⁸. Фрид-

36. Работа была переведена на русский язык под редакцией Г. Шпета: *Дильтей В. Описательная психология*. М.: Русский книжник, 1924. В последнее время несколько раз перепечатывалась без изменений.

37. *Rodi F. Die Ebbinghaus-Dilthey-Kontroverse. Biographischer Hintergrund und sachlicher Ertrag // Ebbinghaus-Studien. Hrsg. Von W. Traxel. 2. Passau: Passavia, 1987. S. 145–154.* Данный эпизод часто попутно рассматривается в контекстах, связанных с философией Дильтея, равно как и при анализе философской психологии XIX века. На русском языке сюжет в историческом и систематическом плане рассмотрен Николаем Плотниковым: *Плотников Н. Жизнь и история: Философская программа Вильгельма Дильтея*. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 147–148.

38. Дильтей писал графу Паулю Йорку фон Вартенбургу (10.III.1896), что не хо-

рих Роди отмечает «необычайную остроту полемики» Эббингауза, Гуссерль же в своих лекциях называет его возражение на работу Дильтея «блестяще написанным» и констатирует следующий исход этой полемической атаки: «В любом случае успех поначалу оставался на стороне экспериментальной психологии, в том числе и в глазах наблюдавших со стороны философов, к величайшей обиде Дильтея, который почти перестал верить, что можно ясно изложить современникам, каковы те чрезвычайно важные прозрения, к которым он пришел в своей гениальной интуиции»³⁹.

Для понимания значения и последствий полемической атаки Эббингауза на проект описательной психологии Дильтея рассмотрим ее в более широкой перспективе, чем творчество самого Дильтея⁴⁰. В последней трети XIX века формируется несколько

чет «ни при каких обстоятельствах находиться с ним в одном помещении» (Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul York von Wartenburg, 1877–1897. Halle: Verlag MaxNiemeyer, 1923. S. 210).

39. См. перевод в настоящем номере «Логоса».

40. В таком ракурсе, вполне возможно, Эббингауз и не распознал более глубокого систематического замысла Дильтея по философско-методологическому обновлению и обоснованию всей области гуманитарного знания («наук о духе»). Тем не менее аргументы, которые, в частности, Николай Плотников приводит для защиты героя своей книги, все же не представляются мне удовлетворительными. Во-первых, Эббингауз необычайно подробно и корректно воспроизводит логику работы Дильтея, прежде чем критически ей возражать (поэтому я никак не могу согласиться, что «большинство аргументов Эббингауза бьет, как правило, мимо цели и в целом искажает замысел Дильтея»). Во-вторых, главный контраргумент, приведенный здесь в защиту Дильтея, а именно: «там где она [описательная психология] — описательная или, лучше сказать, выявляющая необходимые предпосылки всякого научного опыта, она — не психология (как наука), а философская теория субъективности как метатеория познавательных действий в гуманитарных науках, определяющая критерии значимого знания (в том числе и для психологии)» (Плотников Н. Указ. соч. С. 147–148), — является очевидной модернизацией концепции Дильтея, причем в сторону регрессивного трансцендентализма постольку, поскольку здесь говорится о «выявлении необходимых предпосылок всякого научного знания». Подобное выявление «предпосылок» тем более вызывает подозрение в конструктивизме и только усиливает критические тезисы Эббингауза. Кроме того, такая формулировка сводит на нет весь замысел самого Дильтея, делая его попросту бессмысленным: какой смысл в таком случае атаковать объясняющую, гипотетически-конструирующую модель психологии, *противопоставляя* ей описательно-аналитическую модель? В любом случае столь краткое возражение на критику Эббингауза недостаточно — на это указывает и реакция самого Дильтея, которая не ограничилась, конечно, только личной обидой на Эббингауза, но на долгие годы расстроила его работу, привела к целому ряду систематических подвижек в его философском проекте обоснования гуманитарного знания. Если Гуссерль, как мы увидим

основных вариантов дескриптивной психологии, которые представляют собой попытки философов предложить такой подход к изучению сознания, который бы не совпадал с подходами экспериментальных психологов, ориентированных на использование натуралистических моделей объяснения. К таковым прежде всего относится «психология с эмпирической точки зрения» Brentano, а также работы его многочисленных учеников и последователей (включая Карла Штумпфа⁴¹ и раннего Гуссерля⁴²). Второй — самостоятельный — вариант был предложен Дильтейем. Наконец, третий разрабатывался в мюнхенской школе психологии Теодором Липпсом и множеством его учеников, позднее составивших основной костяк раннего феноменологического движения и сгруппировавшихся вокруг «Ежегодника по философии и феноменологическому исследованию» под редакцией Гуссерля⁴³. Иными словами, речь идет о весьма широком течении, в русле которого проект Дильтея является всего лишь одним из вариантов широкой и процветавшей в конце XIX века программы философской «описательной психологии». Поэтому первый вопрос, который возникает в связи с полемической атакой Эббингауза, заключается в следующем: почему Дильтей и почему столь резко?⁴⁴ Ответить на этот вопрос достаточно просто: ни Brentano, ни его ученики, ни Теодор Липпс, ни упомянутый Эббингауз, а сегодня совсем уже напроочь забытый Теодор Вайц — никто из них не экспонировал свои

ниже, мог спокойно отмахнуться от критики Шлика, сославшись на неадекватность понимания его позиции, то здесь совершенно иной случай.

41. Подробный анализ философско-психологической концепции Штумпфа см.: Громов Р. Карл Штумпф — забытая феноменология // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. Т. 1. М.: РГУ, 2008. С. 19–61. О положении дескриптивной части психологии в структуре психологически-феноменологических исследований см. особо с. 22 и далее.
42. Напомню, что в первом издании «Логических исследований» Гуссерль регулярно использует понятие «дескриптивной психологии» как синоним «феноменологии», и лишь во втором издании это вводящее в заблуждение словоупотребление, вызвавшее в адрес гуссерлевской критики психологизма шквал встречных обвинений в психологизме, было скорректировано: понятие «дескриптивная психология» удалено из текста работы.
43. Подробнее см., в частности: Куренной В. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. 1999. № 11/12 (21). С. 156–182.
44. Объяснения частного характера, обусловленные личной и карьерной подоплекой отношений оппонентов я не рассматриваю здесь как решающие — как показал Ф. Роди, вопросы, связанные с позицией Эббингауза в Берлинском университете (Дильтей в конечном счете способствовал назначению на это место Карла Штумпфа), на момент полемики уже утратили актуальность.

варианты дескриптивной психологии как *замещающие* по отношению к натуралистическим моделям. Все эти вариации рассматривали дескриптивные процедуры описания сознания как *дополняющие* по отношению к гипотетически-каузальной модели натуралистического естествознания⁴⁵. Все, за исключением как раз варианта Дильтея: он, хотя и с некоторыми колебаниями (на что обращает внимание и Эббингауз), в конечном счете сформулировал отношение «понимающей» описательной психологии и «объясняющей» натуралистической психологии в рамках строгой дизъюнкции — «или-или», вступив в прямой конфликт с весьма мощным в это время в немецкой университетской среде направлением психологических исследований. И тем самым — после критики Эббингауза — поставил в весьма затруднительное положение все прочие разновидности дескриптивного проекта, что фактически, как мы видим сейчас из исторической ретроспективы, привело к двум следствиям: 1) постепенному и незаметному сходу со сцены всего эмпирически-ориентированного направления описательной психологии; 2) преобразованию дескриптивно-психологического проекта в форму «чистой философии» — сначала феноменологии как «сущностной науки» (Гуссерль периода «Логических исследований», которые поначалу были встречены Дильтеем с необычайным энтузиазмом, а также привлекли к себе всех основных учеников Липпса), а затем и как трансцендентальной философии сознания (Гуссерль периода «Идей I»). Отношение Гуссерля к описательной пси-

45. В образцовом виде эта модель дополнительности сформулирована Brentano — в рамках различия «психогнозии» и «генетической психологии»: «Одна [«психогнозия». — В. К.] выявляет все предельные психические элементы, из комбинации которых складывается совокупность психических явлений, подобно тому как совокупность слов складывается из букв. Будучи реализована, она может служить основанием для *characteristica universalis*, как ее понимали Лейбниц, а до него Декарт. Другая [«генетическая психология». — В. К.] разъясняет для нас законы, согласно которым эти явления возникают и исчезают. Поскольку эти условия — в силу беспорной зависимости психических функций от процессов, протекающих в нервной системе, — по большей части являются физиологическими, то можно видеть, каким образом психологические исследования сплетаются здесь с физиологическими» (*Brentano F. Meine letzten Wünsche für Österreich*. Stuttgart: Cotta, 1895. S. 84 (цит. по: *Brentano F. Deskriptive Psychologie*. Aus dem Nachlaß herausgegeben und eingeleitet von R. M. Chisholm und W. Baumgartner. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1982. S. X)). Ясно изложенную концепцию сочетания «описания» и «объяснения» в том виде, как оно сложилось в зрелой школе Brentano (т. н. Грацкая школа), см. в работе Стефана Виташека (ученика А. Майнонга): *Witasek S. Grundlinien der Psychologie*. Leipzig: Verlag der Dürr'schen Buchhandlung, 1908. S. 88–90.

хологии после «трансцендентального поворота» всегда оставалось двойственным: с одной стороны, он постоянно предпринимал попытки вписать описательную психологию как особую субдисциплину в проект трансцендентальной феноменологии (притом что между ними, действительно, часто трудно провести границу); с другой стороны, неустанно клеймил коллег-мюнхенцев за то, что те никак не могут избавиться от наивно-натуралистического понимания сознания и принять трансцендентально-конститутивный вариант его обновленной феноменологии⁴⁶. В данном случае я не буду углубляться в анализ и интерпретацию (апологетическую или критическую) содержательной позиции Эббингауза, но остановлюсь на тех узловых моментах его критической аргументации, которые позволяют, на мой взгляд, понять, почему критика Эббингауза имела столь неотразимый характер. Вне зависимости от того, считаем ли мы ее «слишком острой» или «блестящей», нельзя отрицать, что она необычайно результативно достигла своей цели. В том числе и таким образом, что Дильтей как теоретик психологии практически перестает фигурировать в общих компендиумах по психологии — критика Эббингауза возымела действие не только в философском, но и в психологическом сообществе⁴⁷. Добавлю также, что сама форма построения данного многоуровневого текста Эббингауза делает его фактически идеальным образцом профессиональной полемической статьи в рамках научно-философской дискуссии.

Итак, фактически треть работы занимает экспликация Эббингаузом хода аргументации Дильтея, лишь в конце этого обзора он делает несколько предварительных критических замечаний, которые играют далее ключевую роль в его аргументации:

1. Проект описательной психологии не просто дополняет, но заменяет собой объяснительную психологию.
2. Описательная психология имеет привилегированный по отношению к объясняющей психологии эпистемологический статус: «она стремится к чему-то другому — принципиально иному и лучшему».

46. Направление, в котором Гуссерль осуществлял реформу феноменологического варианта дескриптивной психологии, намечены — по своим основным эпистемологическим критериям — в приведенном здесь переводе фрагмента его соответствующего курса лекций, поэтому ограничимся отсылкой к данному тексту.

47. См., напр.: *Geysler J. Lehrbuch der allgemeinen Psychologie. Bd. I–II. 3. Aufl. Münster: Verlag von Heinrich Schöningh, 1920.*

3. Предлагается проект учреждения некоторой совершенно новой науки: Дильтей, согласно Эббингаузу, «сразу полностью преобразовывает пределы своей науки. Тем самым мы получаем слишком много рамок, но, к сожалению, очень мало связи».

Далее Эббингауз подробно конкретизирует свою критическую атаку по этим и другим направлениям:

- *Психология развивается вместе с другими науками и является частью этого развития.* Дильтей не говорит ничего нового в области психологии в части необходимости отказа от модели старой ассоциативной психологии, оперировавшей механическими метафорами физики и химии. Искусственный характер этих моделей в части необходимости описания целостной (холистской, как мы можем сейчас сказать) природы психики и психических образований известен теперь всякому и, согласно Эббингаузу, давно преодолен с опорой на современные биологические модели (или метафоры)⁴⁸ — психология, таким образом, имеет историю совершенствования, двигаясь наравне с другими науками, но эта особенность отнюдь не свидетельствует против нее.
- *Необходимо обращать внимание на актуальное и при этом интернациональное состояние научных исследований.* В части критики этой старой модели ассоциативной психологии Дильтей соотносится только с одной немецкой школой — Гербарта и гербартианцев. Он не только игнорирует современное ее состояние, которое далеко не совпадает с гербартианством, но, имея в виду гербартианскую модель, пренебрегает интернациональным характером научных психологических иссле-

48. Обращаясь к критике понятия причинности у Дильтея, Эббингауз неоднократно подчеркивает, что современная наука оперирует не только механическим и химическим понятиями причинности, но также и намного более гибкой биологической моделью причинно-следственных связей. Этот аргумент, основанный на том, что помимо механической модели причинности в науке используется также биологическая, воспроизводится в последствии с завидной регулярностью. Например, он все так же актуален в работе Гильберта Райла «Понятие сознания», написанной более чем полвека спустя (вышла в 1949 году). Райл здесь пишет: «Оказалось, что система Ньютона — не единственная парадигма естественных наук... Отрицая, что человек — это дух в машине, мы не нуждаемся в том, чтобы опускать его до простого уровня машины. В конце концов он может быть разновидностью животного, а именно высшим млекопитающим» (Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс — Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 317).

дований: «Герbart, конечно, приобрел значение в пределах Германии. Но его метафизическая изошренность, его необоснованные фикции, его мифологемы всегда служили ему преградой для выхода за ее пределы. Английская ассоциативная психология, напротив, приобрела интернациональный характер». Таким образом, *отсылка к зарубежной науке и международному состоянию исследований в этой области* является у Эббингауза важным рычагом критической аргументации.

- *Наука и научность несовместимы с безошибочностью.* Так как проект Дильтея нацелен на достижение в области психологического познания принципиально иного уровня достоверности, то он или не научен, или (Эббингауз, шадя, кстати, Дильтея, избирает именно этот вариант смягченного аргумента) надеется достичь того, чего достичь не может. Фактически у Эббингауза мы имеем дело с вариантом формулировки демаркационного критерия *фальсифицируемости* научного знания: «Дильтеевские дополнения пробелов опыта не более и не менее гипотетичны, чем предположения других психологов; и в этом важном пункте между ними нет ни малейшего различия. Заполнение этих пробелов должно быть „угадано“, в этом мы вновь убедились. Но где угадывается, там может быть угадано ложно; привилегии правильного угадывания не имеет никто». Данный узловой момент аргументации Эббингауза разворачивается как раз в связи с ключевым содержательным моментом дискуссии — вопросом о структуре психической жизни, связки которой, согласно Дильтею, объяснительная психология конструирует, а предлагаемая им — должна аналитически описывать⁴⁹.

Таким образом, если отвлечься от детальных содержательных аспектов полемики Эббингауза с Дильтеем, а рассмотреть ключевые элементы его полемической стратегии, то она сводится к тому,

49. Вопрос о том, является ли взаимосвязь (структура) психической жизни данностью или требует гипотетического достраивания (см. параграфы IV–V статьи Эббингауза), — это центральный пункт не только этой дискуссии, но и некоторых других вариантов описательной психологии, так называемая проблема пробелов опыта нашей психической жизни. У Теодора Липпса и некоторых его учеников (например, у Морица Гайгера) ее тематизация ведет к выработке специфической концепции психического бессознательного (см., напр.: *Geiger M. Fragment über den Begriff des Unbewußten und die psychische Realität // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1921. Bd. 4. S. 1–137*).

что проект описательной и анализирующей психологии Дильтея вступает в противоречие с тремя основными характеристиками научного знания: *его постепенным историческим развитием; его коллективностью, имеющей интернациональный характер; его фальсифицируемостью и вытекающим из этого нормативным отказом от привилегированного эпистемологического доступа к эмпирической реальности*. Как мы видим, данная аргументация в целом соответствует основным современным интерпретациям научного знания, понимаемого как исторически изменчивая, коммуникативно-связная и при этом (в части познания эмпирической реальности) ограниченная в плане достоверности своих результатов область познания. Тем самым я бы сказал, что стратегия аргументации, выбранная Эббингаузом, имеет даже более фундаментальный и общий характер, чем, например, стратегия Гуссерля в рамках его весьма успешной атаки на психологизм⁵⁰ (любопытное исключение здесь представляла только реакция Шлика — этот вопрос еще будет рассмотрен ниже). Критика Эббингауза имела столь заметные последствия постольку, поскольку строилась не только на содержательных аргументах против некоторых положений Дильтея, но и на противопоставлении его концепции в целом некоторым базовым элементам идентичности, связанным с занятием научной деятельностью, — в том виде, как эта идентичность уже сформировалась в конце XIX века в немецкой научно-университетской среде.

Если вернуться к более общему контексту того, каким образом эта полемика воздействовала на судьбу программы дескриптивной психологии, то можно отметить (в одном случае) ее постепенное угасание как философско-психологического проекта. Одной из принципиальных причин этого была не только неудачная попытка Дильтея экспонировать его как замещающую альтернативу объясняющей психологии, но также *отсутствие коммуникативной связности* в рамках самого этого проекта. Все назван-

50. Случай критики психологизма Гуссерлем очень хорошо показывает, что одних рациональных аргументов было недостаточно, чтобы антипсихологистская критика возымела действие: все основные аргументы против психологизма были сформулированы уже Фреге (если не брать еще более ранние работы Б. Больцано, фактически проигнорированные современниками), но эффект они возымели только в изложении Гуссерля. Согласно нашей интерпретации, это стало возможным благодаря тому, что Гуссерль очень эффективно связал антипсихологистские аргументы с институциональной нормой научности — в рамках Гумбольдтовской модели университета (см., напр.: Куренной В. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // Логос. 2010. № 5 (78). С. 166–182).

ные выше варианты описательной психологии развивались сравнительно изолированно, без попыток свести каким-то образом свои позиции и, прежде всего, языки описания и базовые категории дескриптивного анализа (исключение составлял, пожалуй, только Гуссерль, неизменно подчеркивавший заслугу Brentano в открытии интенциональности). Этим и воспользовался Эббингауз, противопоставив проект Дильтея всему остальному научному сообществу психологов (и даже научному сообществу как таковому), хотя фактически это было не так — на то время дескриптивная психология была широко распространенной программой. Однако Дильтей не считал нужным опереться ни на работы Brentano и его школы, ни на разработки Теодора Липпса. Практически он воспроизводил обычный жест новоевропейской философии в духе Декарта — жест учреждения нового знания, подкрепленный еще и специфическим немецким нежеланием адресоваться к австрийской философии. Подобный жест еще был до определенной степени допустим в философии (так Гуссерль учреждает феноменологию), но уже не в рамках дисциплинарно-научного знания, в пространство которого столь неловко вступил Дильтей.

Другой вариант развития проекта описательной психологии реализовал, как уже было замечено, Гуссерль. В рамках феноменологии он последовательно оттачивал дескриптивный проект описания сознания, но уже не в виде психологии, а в виде, прежде всего, философии (ориентированной при этом на классический научный идеал всеобщности и необходимости, как это видно и из приведенного здесь фрагмента его лекций). Описательная психология в итоге стала выступать как некоторый элемент феноменологической программы в целом, а вопрос о ней тем самым утрачивал принципиальную остроту. Дильтей же не смог достаточно ясно позиционировать свой философско-методологический проект подобным — философским — образом, поэтому в итоге оказалась под ударом его вторая, наряду с дескриптивно-психологической, важнейшая составляющая, а именно герменевтическая.

ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ КАК СТРОГАЯ НАУКА

Тезис о том, что аналитическая философия является англо-американской — в противоположность континентальной, — сегодня все еще имеет хождение в России. Но это, конечно, по какому-то исключительному недоразумению или провинциальности — вслед

за Майклом Даммитом *по происхождению* ее уместнее назвать «англо-австрийской»⁵¹, а с учетом ключевой роли Фреге — и вовсе «немецко-австрийской». При этом каждому, кто более или менее осведомлен в истории современной философии, понятно, что важнейшее в XX веке направление «континентальной» философии — феноменология — имеет с аналитической философией общие корни. Это прежде всего работы Фреге, а также школа Brentano. В упомянутой работе М. Даммит вообще рассматривает философию Гуссерля в контексте анализа генезиса аналитической философии. Вопрос этот на сегодняшний день хорошо изучен, но здесь я хотел бы рассмотреть менее известный сюжет этого взаимодействия⁵², который имел существенно полемический подтекст в рамках постоянного критического соотнесения лидера австрийского логического позитивизма, ставшего со временем главой Венского кружка, — Морица Шлика — с проектом феноменологической философии в целом. Высказывание о критическом взаимодействии я бы даже усилил до следующего тезиса: *проект логического позитивизма, в развитии которого Шлик сыграл важнейшую роль, следует рассматривать как программу, которая изначально выстраивалась как своеобразная конкурирующая альтернатива по отношению к феноменологии*. Шлик на всем протяжении своей научной жизни не прекращает критически соизмерять свои построения, а затем и все направление с феноменологией — две статьи, специально посвященные этой критике, и публикуются в настоящем номере «Логоса». По сути, имеет место конкуренция двух философских программ за статус «научной философии» — одна из них представляет собой обновление новоевропейской традиции философии сознания, вто-

51. Dummett M. *Origins of Analytic Philosophy*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

52. Основные публикации на эту тему: Schmit R. Moritz Schlick und Edmund Husserl. *Zur Phänomenologiekritik in der frühen Philosophie Schlicks // Skizzen zur Österreichischen Philosophie*. Hg. von Rudolf Haller (Grazer Philosophische Studien. Internationale Zeitschrift für analytische Philosophie. 2000. Vol. 58–59). Amsterdam — Atlanta: GA, 2000. S. 223–244; Stubenberg L. Schlick versus Husserl. *Über Schlicks Unfähigkeit, das Wesen der phänomenologischen Wissenschaft zu schauen // Traditionen und Perspektiven der analytischen Philosophie — Festschrift für Rudolf Haller*. Hg. von W. L. Gombocz, H. Rutte & W. Sauer. Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1989. S. 157–172. См. также комментарий издателей к публикации статьи «Существует ли материальное *Apriori*?» в критическом издании собрания сочинений Шлика: Schlick M. *Gesamtausgabe*. Bd. 6. *Die Wiener Zeit: Aufsätze, Beiträge, Rezensionen 1926–1936*. Hg. v. J. Friedl und H. Rutte. Wien — New York: Springer, 2008. S. 449–453.

рая же стремится переопределить все поле философской проблематики, переориентировавшись на исследования языка. Эта конкуренция, определяющая в то же время и общность, просматривается даже в стилистическом оформлении направлений — именно из круга феноменологии и логического позитивизма выходят последние значимые программные манифесты современной философии⁵³.

Малоизвестный факт из биографии Шлика заключается в том, что само его обращение к изучению логики было инициировано чтением Гуссерля. В одном из архивных (неопубликованных) автобиографических фрагментов Шлик пишет: «В связи с чтением Гуссерля на семинаре Шторринга у меня, видимо, и возник живой интерес к логике, которая до этого мало меня занимала»⁵⁴. Эти слова относятся ко времени обучения Шлика в Цюрихе (1907–1910). Полемика с Гуссерлем является элементом самоопределения Шлика в его габилитационной работе «Сущность истины в современной логике» (1910), а также первой значительной монографии «Всеобщее учение о познании» (1918), где ей посвящена основная часть главы «Проблемы мышления» (а именно § 17–19). Атака на узловые элементы феноменологического проекта философии предпринята также в двух отдельных статьях Шлика (они и публикуются в настоящем номере журнала): «Существует ли априорное познание?» (1913) и «Существует ли материальное *Apriori*?» (доклад 1930 года). Значительное влияние Витгенштейна на аргументацию второй статьи отмечено ссылками самого автора; кроме того, она явно написана автором по следам одной из бесед Шлика и Фридриха Вайсмана с Людвигом Витгенштейном, известной как «Анти-Гуссерль»⁵⁵. Парадокс, впрочем, заключается в том, что если

53. «Философия как строгая наука» Эдмунда Гуссерля (1911) и, соответственно, «Научное миропонимание — Венский кружок» (1929) (*Карнан Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание — Венский кружок // *Логос* 2005. № 2 (47). С. 13–27) и «Поворот в философии» (1930) (*Шлик М.* Поворот в философии // *Аналитическая философия: Избранные тексты.* М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 28–33).

54. *Schmit.* Op. cit. P. 223.

55. См.: Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations recorded by Fr. Waismann / B. McGuinness (ed.). Oxford, Blackwell, 1979, а также анализ этой беседы: Soulez A. A Case of Early Wittgensteinian Dialogism: Stances on the Impossibility of «Red and Green in the Same Slace» // *Working Papers from the Wittgenstein Archives at the University of Bergen.* 2005. № 17. P. 313–325; *Bouveresse Jacques.* Wittgenstein's Answer to «What is Colour?» // *The Third Wittgenstein: The Post-Investigations Works / D. Moyall-Sharrock* (ed.). L.: Ashgate Pub Ltd., 2004. P. 177–192. Транскрипты содержания бесед с Витгенштейном в изда-

для Шлика актуализация этой темы в рамках обсуждения с Витгенштейном стала еще одним поводом критической атаки на феноменологию, то для Витгенштейна анализ проблемы «цветового априори» (как можно назвать эту проблему, имея в виду этот излюбленный пример феноменологов) стал стимулом как раз для пересмотра положения «Логико-философского трактата»: «Всего этого я еще не осознавал при компоновке моей работы и думал тогда, все подобные заключения основаны на форме тавтологии. Тогда я еще не видел, что заключение также может иметь форму: „Человек имеет рост 2 м, следовательно, не 3 метра“»⁵⁶. Впрочем, в рамках обсуждений с членами Венского кружка Витгенштейн все еще использует тот же аргумент⁵⁷, который Шлик затем варьировал в своем докладе о материальном априори 1930 года.

Гуссерль единственный раз отреагировал на активность Шлика, при этом в весьма резкой форме. В предисловии ко второй части второго тома «Логических исследований» (второе издание) он, адресуясь к критическим рассуждениям Шлика об очевидности (со ссылкой на «Идеи I») в работе «Всеобщее учение о познании», обвиняет его в элементарной недобросовестности: «Посвятить изучению какой-то теории меньше времени, чем это необходимо для понимания ее смысла, но при этом критиковать ее — значит нарушать безусловный закон писательской добросовестности». В итоге Гуссерль фактически просто отказывается полемизировать со Шликом: «Я должен со всей определенностью заметить, что в случае М. Шлика речь идет не просто о нерелевантных промахах, а об искажающих смысл подменах, на которых построена вся его критика»⁵⁸.

нии МакГиннеса не вполне совпадают с архивом Вайсмана, положенного в основу издания Гордона Бейкера, но он также содержит серию текстов, содержащих анализ соответствующих случаев «цветового априори»: *The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle. Original German texts and English translations* / G. Baker (ed.). L., N.Y.: Routledge, 2003. P. 396–411.

56. Wittgenstein und der Wiener Kreis. Werkausgabe. Bd. 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. S. 64 (цит. по комментарию Иоганна Фридля и Хайнера Рутте: *Schlick M. Gesamtausgabe. Bd. 6. S. 451*).
57. А именно: «В действительности предложение „красное и зеленое не могут быть в одном и том же месте“ — это скрытое грамматическое правило, которое запрещает последовательность слов „нечто одновременно является красным и зеленым“» (*The Voices of Wittgenstein. P. 400*).
58. *Husserliana. Bd. XIX/2. Logische Untersuchungen. 2. Bd. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. II. Th.: Elemente einer phänomenologischen Aufklärung der Erkenntnis. The Hague — Boston — Lancaster: Martinus Nijhoff Publishers, 1984. S. 536.*

Что касается данной полемики в целом, то она — в сравнении с критикой Эббингаузом идеи описательной психологии Дильтея — имеет, очевидно, совсем другой статус. Она не получила такого широкого профессионального резонанса, как критика Эббингауза (можно сказать, вообще не получила никакого резонанса в среде современников). Причина этого заключается в том, что аргументация Шлика построена в сугубо профессионально-философском ключе. Несмотря на заявления Шлика, например, о ненаучности интуитивного познания, его критическая аргументация построена так, что не затрагивает — в отличие от критики Эббингауза — вопроса самоидентичности научной деятельности. Во всяком случае даже профессиональными философами дискуссия воспринималась как находящаяся внутри рамок расхождений по специальным вопросам⁵⁹. Polemica, однако, интересна тем, что имела долгосрочный структурирующий эффект для последующего развития аналитической философии, обусловленный своеобразной негативной полемической зависимостью Шлика в противопоставлении его собственного проекта «строгой науки» проекту феноменологическому. Речь идет о вопросе взаимоотношения логики и психологии, то есть о психологизме. Примечательной особенностью реакции на критику Гуссерлем психологизма является то, что его оппоненты не стремились явным образом защищать психологизм, но или указывали на то, что сами давно психологистами не являются (кантианцы в лице прежде всего П. Наторпа), или что Гуссерль сам является психологистом (самая распространенная реакция на «Логические исследования»), или выдвигали ему встречное обвинение в «логицизме» (Вильгельм Вундт). Шлик здесь является весьма своеобразным исключением. Основная аргументация по этому вопросу изложена Шликом в монографии «Всеобщее учение о познании», где он — как раз в части работы, критически обращенной против феноменологии, — прямо утверждает: «Проблема реализации логических отношений удовлетворительно решается с помощью психических процессов»⁶⁰.

59. Вплоть до того, что Пауль Наторп, размышляя в письме Гуссерлю от 29.01.1922 по поводу возможных кандидатов на профессию в Марбурге, упоминает — хотя и в критическом ключе — имя Шлика (*Гуссерль Э. Избранная переписка*. М.: Феноменология — Герменевтика, 2004. С. 139).

60. *Schlick M. Allgemeine Erkenntnislehre (Naturwissenschaftliche Monographien und Lehrbücher. Bd. 1)*. Berlin. Verlag von Julius Springer, 1918. S. 128. Здесь и далее я ориентируюсь на первое издание работы, имеющее местами более выраженный полемический характер. В первом издании вслед за процитированным положением говорится: «Логическое — это не самостоятельная

Рассмотрим его аргументацию подробнее, так как она — относительно к критическому суждению Гуссерля по поводу некорректности интерпретации его собственных мыслей — представляет самостоятельный интерес в двух отношениях. Систематически — как источник той линии в аналитической философии, которая, сохраняя приверженность логическому анализу, сочетается с натурализмом в вопросах эпистемологии; исторически — как пример позиции, нарушавшей удивительное единогласие в осуждении психологизма после выхода «Пролегомен к чистой логике» Гуссерля. Кроме того, подробный анализ аргументации Шлика показывает, что представляющий общее место в современных работах, так или иначе затрагивающих отношения феноменологии и логического позитивизма, тезис, согласно которому отрицание психологизма — «это единственный пункт, в котором Шлик соглашается с Гуссерлем»⁶¹, не вполне точен. Если приходится выбирать между Гуссерлем и психологизмом, то Шлик готов — с некоторыми оговорками — признать правоту психологистов.

В качестве отправного пункта своего соответствующего суждения в работе «Всеобщее учение о познании» Шлик формулирует тезис о том, что попытка истолковать понятия и элементы логики не как реальные психические сущности ведет к приписыванию им особого рода «бытия», что в любом случае является вариантом платонизма. Такое решение проблемы логического ведет к тому, что, с одной стороны, различаются и противопоставляются друг другу сфера реального и сфера идеального бытия, тогда как, с другой стороны, обе эти сферы должны быть каким-то образом связаны между собой. Вторая проблема составляет камень преткновения как для теории идей Платона, так и для его современных последователей, к числу которых относится и Гуссерль, причем последним не удалось сделать в этом отношении ни одного шага вперед по сравнению с платоновской идеей «причастности».

Шлик не спорит с тем, что психические представления не тождественны понятиям и логическим отношениям. Но это «старая истина», которая лишь вновь была актуализирована в борьбе с «так называемым психологизмом». Но при этом, считает Шлик, «психологизму можно поставить в упрек, скорее, неточный способ

сфера идеальных сущностей, которые „постигаются“ или „усматриваются“, но фикция, для появления которой указанный выше момент дискретности есть образцовый пример, а также ее необходимое и достаточное основание» (Ibidem). Во втором издании 1925 года это предложение уже отсутствует.

61. Feigl H., Blumberg A. E. Introduction // Schlick M. General Theory of Knowledge. Wien — New York: Springer, 1974. S. XXI.

выражения, игнорирование определенных вопросов, чем полное отсутствие понимания истинного положения дел»⁶². Психологи-сты догадывались, что «понятия — это не реальные элементы сознания, а нечто недействительное, своего рода фикции». Однако психологи-сты использовали двусмысленные и необдуманные термины, что и дало повод к их критике. Ссылаясь на К. Твардовско-го, Шлик указывает, что такое словоупотребление давало повод для смешения «содержания» и «предмета» представления, если понимать под «содержанием» реальный процесс сознания, составляющий представление, а под «предметом» — относимый к этому представлению объект («будь то нечто действительное или же понятие»). «Но эта психологистская необдуманность, — продолжает Шлик, — представляется мне менее опасной для основоположен-ной философии, чем категоричное и продуманное учение о том, что логические образования составляют некую самостоятельную сферу, царство идей, которое „существует“ независимо от реального мира» (118). Это учение также не является ложным, если правильно понимать слова «существовать» и «независимо», однако едва ли найдется такой философ-платоник (включая тех, уточняет Шлик, которые вообще стараются избегать употребления слова «существовать» по отношению к понятиям), который бы не разви-вал его в направлении, исключающем понимание истинных отно-шений между этими обеими сферами.

Когда современные платоники рассматривают отношение между установленными ими двумя сферами бытия, они постоянно используют термин «постижение» (*erfassen*). Но «это выраже-ние вообще ничего не говорит, и тщетно пытаться придать ему более привлекательный вид, называя „акт постижения“ идеаль-ных образований, осуществляемый с помощью реальных пси-хических актов, словом „идеация“ или чем-то в этом роде». Еще хуже обстоят дела, если вместо постижения говорят о «пережива-нии» (*Erleben*), поскольку переживания суть реальные процессы, и если «использовать это слово в общеупотребительном смысле, которого мы здесь только и придерживаемся, то „нечто пережи-вается“ означает всего лишь только „нечто является содержи-мом сознания“». Поэтому вообще невозможно провести различие между переживанием и переживаемым — это одно и то же: «Ощу-щение синего, например, есть некое простое сущее, оно не может быть разложено на ощущение синего цвета и ощущаемый в этом

62. Schlick M. Allgemeine Erkenntnislehre. 1918. S. 117. Здесь и далее ссылки на страницы данного издания приводятся в скобках после цитаты.

ощущении синий цвет. Таков один из фундаментальных фактов дескриптивной психологии, на который не стоит расточать слова и который признается даже спекулятивно более подкованными психологами. Но в *этом* смысле понятия не *переживаются*; они не являются чем-то реальным и никогда не могут быть обнаружены в качестве элементов какого-то переживания» (119). Не спасает положение и то, что слова «постижение», «переживание» и «осознание» платоники используют применительно к идеальному бытию в некотором совершенно особом смысле, который не имеет ничего общего с индивидуальным, единичным бытием (как это делает Гуссерль в «Логических исследованиях»). Вопрос о том, каким образом в этом смысле переживание идеального становится переживанием в собственном смысле, здесь по-прежнему остается без ответа. Оно трактуется как нечто предельное, о котором можно сказать только то, что оно «просто переживается»: «В лучшем случае для обозначения этого используется новое имя, что весьма популярно: мы переживаем эту идею „в акте основанной на созерцании идеации“ (Гуссерль). Без дальнейших пояснений просто указывают на то, что любое содержание сознания, как утверждал уже Brentano, „заключает в себе интенциональный характер, то есть направлено на некий предмет“».

В этом учении об интенциональности, считает Шлик, содержится нечто фактически верное, если понимать его в том смысле, что речь идет не о каком-то идеальном существовании понятий, а о понятийных фикциях. Тогда, «в принципе, утверждается то же самое, как и в том случае, если говорят, что переживаются не понятия, но лишь интенции, относящиеся к ним, или, формулируя иначе, понятия суть не реальные, а интенциональные содержания сознания. Но мы ни на йоту не продвигаемся в решении нашей проблемы, если снова называем ее каким-то новым именем» (120). Но не ведет ли эта трактовка интенциональных переживаний как реальных психических величин к тому, что мы вновь погружаемся в область психологии, которая не позволит нам достичь в области понятий и логики той строгости и точности, «о возможности которой мы хлопочем»? Феноменология решает эту проблему, рассматривая себя как дисциплину, более основополагающую, чем логика и психология. Ее основная идея основывается на различии между эмпирическим созерцанием, посредством которых нам даны реальные вещи, и чистым «сущностным видением», посредством которого мы очевидным образом «постигаем» сущность созерцаемых предметов, а значит, и «понятий», причем совершенно независимо от их фактического или возможного существования.

Согласно Шлику, при внимательном рассмотрении все это оказывается всего лишь воспроизведением общеизвестного различия между «существованием и сущностью» (*Existenz und Essenz*), которое позволяет нам выносить суждения о сущности, так-бытии предметов, равно как и о понятиях, не примешивая к этому никаких суждений о реальном существовании. «Кто бы стал это отрицать!» — восклицает Шлик. Но феноменологический подход даже не затрагивает возникающей здесь проблемы, поскольку он уже предвосхищает то, что только еще предстоит решить: «Мы как раз и спрашиваем о том, каким образом нам вообще могут быть „даны“ нереальные предметы, понятия или суждения, поскольку нам в качестве данного известны только реальные содержания сознания» (122). Логические образования не являются чем-то действительным, они не являются частями или аспектами психических процессов, но «измышляются» нами. При этом, однако, все наши высказывания о них суть реальные акты суждения, все наше знание о них «должно» быть каким-то образом заключено в реальных психических процессах: «Гарантия правильности наших логических анализов должна заключаться в реальных фактах сознания, или же у нас вообще нет никакой гарантии».

Однако каким же образом преодолеть разрыв между нашими психическими процессами, которые «несовершенны», и «совершенными» понятиями? «Идеалистическое» решение вопроса не удовлетворяет Шлика, который настаивает на том, что «процессы сознания, в стихии которых осуществляются наши логические анализы, должны быть исчерпывающим образом понятиями, исходя из своей имманентной психологической закономерности, без отсылки к тому, что они обозначают (*bedeuten*)» (122). Равным образом не решает этой проблемы и учение об очевидности (даже в том случае, если прибегают к различию «реальной» и «идеальной» очевидности). С учетом этой критики Шлик формулирует следующую постановку вопроса об отношении психологического и логического: «Каким образом возможно, что реальные психологические отношения дают в результате то же самое, что и чисто логические отношения, не будучи тем же самым, но и не теряя при этом такой же строгости?» Ответ на этот вопрос дает образ «мыслящей машины», придуманной Джевонсом, или же обычной счетной машины. Подобно человеческому мозгу, она представляет собой физический механизм, функции которого исчерпывающим образом определены физическими законами. Об арифметических правилах счета этот мертвый механизм, разумеется, не имеет ни малейшего представления. И все же

он дает правильное выражение правилам арифметического вычисления, причем с абсолютной точностью, а не приблизительно: «Без всякого волшебства она просто вычисляет точный результат, хотя полная точность во *всех* смыслах не может быть реализована ни одним естественным механизмом» (123). Эта принципиальная неточность связана не с тем, что естественные законы, управляющие механизмом, неточны, а с бесконечной переплетенностью реальных процессов, невозможностью точного повторения одного и того же процесса в силу огромного числа факторов, оказывающих на него влияние. Но эта неточность, связанная с природой реальных процессов, оборачивается в рассматриваемом примере не неточностью вычисления, а только рядом побочных явлений (таких как неточность выстраивания в ряд цифр на панели механической счетной машины). На это оппонент Шлика (на место которого мы вполне можем поставить феноменолога) мог бы возразить, что мы получаем строгий результат вопреки этим неточностям только в силу того, что наш ум приписывает наблюдаемым результатам работы счетной машины определенное точное «значение», игнорирующее все случайности индивидуального наблюдаемого явления. Но Шлик отклоняет этот аргумент на том основании, что если истолкование результата вычисления производится в уме понимающего наблюдателя, то принципиально лишь то, что «необходимое и достаточное условие для этого истолкования уже наличествует в физическом образе».

Остается только ответить на вопрос, каким образом этот результат вообще может быть получен, что и составит окончательное решение рассматриваемой проблемы. Этот вопрос решается Шликом указанием на дисконтинуальный, или *дискретный*, «по своей сущности (то есть в соответствии со своей дефиницией)» характер числового ряда (ряда целых чисел): «Два целых числа никогда не различаются друг от друга на бесконечно малую величину» (в отличие от любых естественных процессов, которые *континуальным* образом протекают для нашего восприятия). Переход из одного состояния естественной системы в другое состояние всегда осуществляется через бесконечно много промежуточных состояний, из которых одно отличается от другого бесконечно малым образом (что было замечено уже Лейбницем в его «законе континуальности»). Но все же именно физические процессы наилучшим образом приспособлены к тому, чтобы измерять континуальные величины: например, длина временного отрезка напрямую указывается стрелкой часов. При этом дискретность показаний стрелки имеет в своем основании все тот же контину-

альный процесс движения шестеренок. Однако в результате положения стрелки отличаются между собой непогрешимым образом: «Говоря о непогрешимости, мы не преувеличиваем. Просто есть такой факт, что мы в общем и целом в состоянии устанавливать отличия. Есть, конечно, и граница отличия, за которой невозможно что-либо перепутать. Даже если мы никогда не можем <точно> указать эту границу, она тем не менее существует, и есть случаи, в которых мы безошибочно можем утверждать, что пересекли эту границу» (125). В данном случае Шлик имеет в виду, например, любой случай измерения: мы никогда не можем с абсолютной точностью измерить некое расстояние, но мы с полной достоверностью можем сказать, что расстояние примерно один километр больше расстояния примерно один метр. Равным образом цифры 1 и 7 совершенно различны, хотя одна может быть трансформирована в другую континуальным преобразованием фигуры. Эти примеры можно умножать, но, «коль скоро мы уже поняли, каким образом континуальный процесс может выполнять функцию дисконтинуального, мы решили нашу проблему, ибо рассматриваемый здесь момент, который отличает понятия от представлений, логические образования от психических процессов, состоит именно в различии дискретного и континуального. Строгость понятий заключается в их дискретном отличии от других понятий, неопределенность всего реального состоит в его континуальности, не допускающей никаких точных границ» (126).

Таким образом, отношение психических процессов к логическому есть частный случай порождения дискретности, возможность которой заложена в любой континуальности. Иными словами, неточный опыт может служить основанием для точных истин. С точки зрения работы нашего мозга как особой счетной или мыслящей машины это означает, что континуальные процессы в нем достигают определенных конечных фаз (*Endphasen*), а параллельно этому в континуальном потоке сознания появляются и дискретные фазы, которые хотя и связаны между собой постепенными, континуальными переходами, тем не менее не перетекают друг в друга неразрывным образом: «Они переживаются именно как различные, а больше ничего и не требуется, чтобы точная логика была возможна в пределах мышления».

Еще один частный случай этой проблемы — строгие логические отношения между понятиями, которые отнюдь не нуждаются «в созерцательном содержании»: «логически понятия определены лишь в силу их отграничения, их отличия от других понятий, а не в силу созерцаемых предметов, к которым они относятся» (127–128).

Таким образом, Шлик приходит к решению отношения между логическим и психическим, сохраняя претензию логики, логических отношений и понятий на совершенную строгость, но избегая при этом логического «платонизма» гуссерлевской феноменологии. В нашем сознании протекают только реальные процессы, «понятий» же в собственном смысле нет нигде: «можно с полным правом сказать, что они вообще не „существуют“. Только ради простоты выражения мы говорим так, словно бы они есть; но „идеальное“ бытие вовсе и не является чем-то действительным».

Иными словами, психологизм в главном прав, и именно эта позиция ставит Шлика вне общей тенденции отмежевания от психологизма в контексте дискуссий, последовавших за «Прологоменами к чистой логике» Гуссерля: «Если идеалистические логики постоянно указывают на то, что все психологические законы являются неточными и делают отсюда вывод, что абсолютную точность можно найти лишь в сфере идеального, а не в психической действительности, то они совершают ошибку *petitio principii*, тогда как „психологист“, который *общим образом* должен признавать неточный, континуальный характер психических процессов, может утверждать, что и эти процессы тем не менее обнаруживают полную строгость и в таком случае как раз и являются носителем логического» (128).

Наконец, следует отметить, что критическая позиция Шлика основывается не только на онтологическом неприятии допущения сферы «идеального» и тех аргументах, которые указывают на логическую ошибку «предвосхищения основания» в аргументации «идеалистов». Шлик руководствуется также эпистемологическим принципом общезначимости закона причинности: «...совершенно неверно объявлять психические процессы смутными, ибо если принцип причинности является общезначимым, то все происходящее в природе определяется законами, которые не знают исключений так же, как и правила формальной логики. Не законы являются неточными, а наше знание о них является неполным, а это — огромная разница» (128).

Таким образом, приведенная здесь экспликация в деталях показывает, каким образом Шлик в своей критике Гуссерля пошел именно путем *защиты психологизма*. Это обстоятельство следует особо отметить, поскольку тем самым в той разновидности раннего логического позитивизма, которая развивалась Шликом, изначально была заложена программа, к которой, по сути⁶³, спустя

63. То есть принимая во внимание всю сферу, на которую распространяется антипсихологистская аргументация Гуссерля и которая включает не только логику, но и философию как основополагающую для прочих наук дисциплину.

много лет призывает вернуться Куайн в статье «Натурализованная эпистемология», когда утверждает: «...эпистемология в ее новом облике сама включена в естественную науку как раздел психологии»⁶⁴. В том же варианте ранних образцов аналитической философии, который представляет собой, в частности, «Логико-философский трактат» Витгенштейна, к этому, напротив, нет никакой предрасположенности: «Психология не более родственна философии, чем любая другая наука. Теория познания — это философия психологии» (ЛФТ, § 4.1121). Дистанцирование от психологии, от разного рода «психологизма» — принципиальная особенность большинства философских течений и направлений XX века. В этом направлении все более эволюционировала трансцендентальная феноменология Гуссерля, философская герменевтика (в том виде, как ее излагает «Истина и метод» Г.-Г. Гадамера). «Фундаментальная онтология» Хайдеггера по своему антипсихологизму вполне сопоставима в этом с позицией Витгенштейна и Поппера. В то же время на сегодняшний день в (пост)аналитической философии сознания доминирует спектр концепций, которые с точки зрения антипсихологической аргументации являются образцово «психологистскими». Этот факт, однако, не является неожиданным, если учесть, что в аналитической философии с самого начала присутствует и другая линия, представленная Шликом и формировавшаяся в прямой полемике с той антипсихологической аргументацией, признанно решающую формулировку которой предложил Гуссерль в «Пролегоменах к чистой логике».

Наконец, затронем вопрос, о том, насколько справедливой — в исторической ретроспективе — оказалась критика Шлика, изложенная в статьях «Существует ли интуитивное познание?» и «Существует ли синтетическое *Apriori*» (не вдаваясь при этом в проблему адекватности интерпретации феноменологической позиции в изложении Шлика⁶⁵). Если сказать кратко, то оба отрицательных ответа Шлика на вопросы, вынесенные в заголовки названных статей, были в конечном счете опровергнуты в рамках последующего развития традиции самой аналитической философии. Во-первых, утверждение о признании интуиции в каче-

пину. Эпистемология же для Куайна, как и феноменология для Гуссерля, «имеет дело с основаниями науки» (Куайн У.В.О. Натурализованная эпистемология // Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Праксис, 2001. С. 368).

64. Там же. С. 379.

65. В этом вопросе, скорее, необходимо согласиться с Гуссерлем: Шлик polemизирует не с собственно феноменологической позицией, а с ее не вполне адекватной реконструкцией.

стве источника познания содержится уже в программном манифесте Венского кружка (1929), где, пусть и с некоторой оговоркой в пользу «чувственного опыта», говорится: «Интуиция, особо подчеркиваемая метафизиками в качестве источника познания, в целом не отвергается научным миропониманием. Однако оно добывается и требует тщательного последующего рационального оправдания всякого интуитивного познания. Тому, кто ищет, дозволены любые средства; найденное, однако, должно выдержать последующую проверку»⁶⁶. Во-вторых, тезис Шлика о фундаментальной границе между аналитическими и синтетическими суждениями, разделяемый логическим позитивизмом в целом, был подвергнут принципиальной критике Уиллардом Ван Орманом Куайном в статье «Две догмы эмпиризма»⁶⁷. Кроме того, как указывалось выше, именно рассмотрение проблемы суждений, подобных тем, которые феноменологи рассматривали как синтетические суждения априори, побудила Витгенштейна к пересмотру одного из основных положений «Трактата», став тем самым стимулом к формированию его «поздней» философии.

Таким образом, вторая из рассмотренных нами профессиональных философских дискуссий оказала стимулирующее воздействие не только на стремление Шлика к выработке программы логического позитивизма как альтернативного феноменологии проекта «философии как строгой науки», но и была фактором последующего продуктивного и в какой-то мере самокритического стимулирования развития аналитической философии в целом.

REFERENCES

- Baker G., ed. *The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle. Original German texts and English translations*, London, New York, Routledge, 2003.
- Bayertz K., Gerhard M., Jaeschke W., eds. *Weltanschauung, Philosophie und Naturwissenschaft im 19. Jahrhundert*. Bd. I: Der Materialismus-Streit; Bd. II: Der Darwinismus-Streit; Bd. III: Der Ignorabismus-Streit, Hamburg, Felix Meiner, 2007.
- Beneke F. E. *Kant und die philosophische Aufgabe unserer Zeit*, Berlin, Posen und Bromberg, 1832.
- Bouverse J. Wittgenstein's Answer to "What is Colour?" *The Third Wittgenstein: The Post-Investigations Works* (ed. D. Moyal-Sharrock), London, Ashgate, 2004, pp. 177–192.

66. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок. С. 19.

67. Куайн У. В. О. Две догмы эмпиризма // Куайн У. В. О. Слово и объект. М.: Праксис, 2001. С. 342–367.

- Brentano F. Deskriptive Psychologie. Aus dem Nachlaß herausgegeben und eingeleitet von R. M. Chisholm und W. Baumgartner, Hamburg, Felix Meiner, 1982.
- Brentano F. *Meine letzten Wünsche für Österreich*, Stuttgart, Cotta, 1895.
- Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul York von Wartenburg, 1877–1897, Halle, Max Niemeyer, 1923.
- Carnap R., Hahn H., Neurath O. Nauchnoe miroponimanie — Venskii kruzhok [Wissenschaftliche Weltauffassung — Der Wiener Kreis]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2005, no. 2 (47), pp. 13–27.
- Corwin R. G. *Sociology of Education*, New York, Appleton-Century-Crofts, 1965.
- Dilthey W. *Opisatel'naiia psikhologiia* [Descriptive Psychology], Moscow, Russkii knizhnik, 1924.
- Droysen J. G. Vozvedenie istorii v rang nauki [Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft]. *Istorika* [Grundriss der Historik], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004, pp. 526–548.
- Du Bois-Reymond E. *O granitsakh poznaniia prirody: Sem' mirovykh zagadok* [Über die Grenzen des Naturerkennens: Die sieben Welträthsel], Moscow, Librom, 2009.
- Dummett M. *Origins of Analytic Philosophy*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1996.
- Feigl H., Blumberg A. E. Introduction. In: Schlick M. *General Theory of Knowledge*, Wien, New York, Springer, 1974.
- Frege G. *Osnovopolozheniia arifmetiki: Logiko-matematicheskoe issledovanie o poniatii chisla* [Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl], Tomsk, Vodolei, 2000.
- Frege G. Recension von: E. Husserl, Philosophie der Arithmetik, Erster Band, Leipzig, 1891. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1894, vol. 103, pp. 313–332.
- Geiger M. Fragment über den Begriff des Unbewußten und die psychische Realität. *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*, 1920, vol. 4, pp. 1–137.
- Geyser J. Lehrbuch der allgemeinen Psychologie. Bd. I–II. 3. Aufl., Münster, Heinrich Schöningh, 1920.
- Goode W. J. The Theoretical Limits of Professionalization. *The Semi-Professions and Their Organization* (ed. E. Amitai), New York, Free Press, 1969, pp. 266–313.
- Gromov R. Karl Shtumpf — zabytaia fenomenologiia [Carl Stumpf — forgotten phenomenology]. *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii* [Yearbook of phenomenological philosophy], 2008, vol. 1, Moscow, RGGU, 2008, pp. 19–61.
- Husserl E. *Izbrannaia perepiska* [Selected correspondence], Moscow, Fenomenologiya, Germenevtika, 2004.
- Husserliana. Bd. XIX/2. Logische Untersuchungen. 2. Bd. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. II. Th.: Elemente einer phänomenologischen Aufklärung der Erkenntnis, The Hague, Boston, Lancaster, Martinus Nijhoff, 1984.
- Kant I. Otvet na vopros: chto takoe Prosveshchenie? [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?] *Sobranie sochinenii v 4 t. na nemetskom i russkom iazykakh* [Collected works in 4 vol. in both German and Russian languages], Moscow, Kami, 1993, vol. 1, pp. 125–147.
- Köhnke K. C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1986.
- Kurennoy V. "Prolegomeny k chistoi logike" E. Gusserlia i spor o psikhologizme [Husserl's "Logische Untersuchungen" and debate about psychologism]. In: Husserl E. *Logicheskie issledovaniia. T. I: Prolegomeny k chistoi logike* [Logische Untersuchungen. Bd. 1: Prolegomena zur reinen Logik], Moscow, Akademicheskii proekt, 2011, pp. 255–241.

- Kurennoy V. K voprosu o vozniknovenii fenomenologicheskogo dvizheniia [On the question of the origin of the phenomenological movement]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 1999, no. 11/12 (21), pp. 156–182.
- Kurennoy V. Lev Tolstoi i Maks Weber o tsennostnoi neutral'nosti universitetskoi nauki [Leo Tolstoy and Max Weber on the value neutrality of university science]. *Voprosy obrazovaniia* [Problems of education], 2010, no. 3, pp. 48–75.
- Kurennoy V. Mezhekul'turnyi transfer znaniia: sluchai "Logosa" [Intercultural knowledge transfer: the case of "Logos"]. *Issledovaniia po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 2008–2009 god* [9] [Studies in the history of Russian thought: Yearbook for 2008–2009 year (9)] (eds M. A. Kolerov, N. S. Plotnikov), Moscow, Regnum, 2012.
- Kurennoy V. Psikhologizm i ego kritika Edmundom Gusserlem [Psychologism and its criticism by Edmund Husserl]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2010, no. 5 (78), pp. 166–182.
- Kurennoy V. Uedinenie universitetskogo filosa [Solitude of university philosopher]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2007, no. 6 (63), pp. 63–74.
- Kurennoy V., ed. *Istoriia i teoriia intelligentsii i intellektualov (Mysliashchaia Rossiia)* [History and Theory of the intelligentsia and intellectuals (Thinking Russia)], Moscow, Fond Nasledie Evrazii, 2009.
- Kusch M. *Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge*, London, New York, Routledge, 1995.
- Kusch M. Sotsiologiia filosofskogo znaniia: konkretnoe issledovanie i zashchita [The Sociology of Philosophical Knowledge: A Case Study and a Defense]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 6 (35), pp. 104–134.
- McCumber J. *Time in the Ditch: American Philosophy in MacCarthy Era*, Evanston, Northwestern University Press, 2001.
- McGuinness B., ed. *Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations recorded by Fr. Waismann*, Oxford, Blackwell, 1979.
- Nietzsche F. O pol'ze i vrede istorii dlia zhizni [Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] (ed. S. Frank, G. Rachinskii), Moscow, Moskovskoe knigoizdatel'stvo, 1909, vol. 2.
- Nietzsche F. Shopengauer kak vospitateľ [Schopenhauer als Erzieher]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] (ed. S. Frank, G. Rachinskii), Moscow, Moskovskoe knigoizdatel'stvo, 1909, vol. 2.
- Plotnikov N. Vlast' argumenta i public relations: 70 let Khabermasu [Power of argument and public relations: 70th anniversary of Habermas]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 1999, no. 8, pp. 119–122.
- Plotnikov N. *Zhizn' i istoriia: Filosofskaia programma Vil'gel'ma Dil'teia* [Life and History: Wilhelm Dilthey's philosophical program], Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 2000.
- Quine W. V. O. Dve dogmy empirizma [Two Dogmas of Empiricism]. *Slovo i ob'ekt* [Word and Object], Moscow, Praksis, 2001, pp. 342–367.
- Quine W. V. O. Naturalizovannaia epistemologiia [Epistemology Naturalized]. *Slovo i ob'ekt* [Word and Object], Moscow, Praksis, 2001.
- Rath M. *Der Psychologismustreit in der deutschen Philosophie*, Freiburg im Breisgau, München, Alber, 1994.
- Reich G. A. *How the Cold War Transformed Philosophy of Science: To The Icy Slopes of Logic*, New York, Cambridge University Press, 2005.
- Rodi F. *Die Ebbinghaus-Dilthey-Kontroverse. Biographischer Hintergrund und sachlicher Ertrag. Ebbinghaus-Studien 2*, Passau, Passavia, 1987, pp. 145–154.

- Rorty R. *Obretaiia nashu stranu: politika levyykh v Amerike XX veka* [Achieving Our Country: Leftist Thought in Twentieth-Century America], Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 1998.
- Ryle G. *Poniatie soznaniia* [The concept of mind], Moscow, Ideia-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000.
- Schlick M. *Allgemeine Erkenntnislehre* (Naturwissenschaftliche Monographien und Lehrbücher. Bd. 1.), Berlin, Springer, 1918.
- Schlick M. *Gesamtausgabe*. Bd. 6. *Die Wiener Zeit: Aufsätze, Beiträge, Rezensionen 1926–1936*, Wien, New York, Springer, 2008.
- Schlick M. *Povorot v filosofii* [Die Wende der Philosophie]. *Analiticheskaiia filosofii: Izbrannye teksty* [Analytic Philosophy: Selected Texts], Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1993, pp. 28–33.
- Schmit R. *Moritz Schlick und Edmund Husserl. Zur Phänomenologiekritik in der frühen Philosophie Schlicks. Skizzen zur Österreichischen Philosophie (Grazer Philosophische Studien. Internationale Zeitschrift für analytische Philosophie)*, Amsterdam, Atlanta, GA, 2000, vol. 58–59, pp. 223–244.
- Schnädelbach H. *Was Philosophen wissen und was man von ihnen lernen kann*. 2. Aufl., München, Verlag C. H. Beck, 2012.
- Shchedrovitskii P. *Ukhod “filosofskogo parokhoda” byl katastrofoi dlia Rossii* [Departure of “Philosophers’ ship” was a disaster for Russia]. *Russ.ru*, 02.11.2012. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Uhod-filosofskogo-parohoda-by-l-katastrofoj-dlya-Rossii>.
- Sohr M. *Trendelenburg und die dialectische Methode Hegels. Ein kritischer Versuch*, Halle a. d. Saale, J. F. Starcke, 1874.
- Soulez A. *A Case of Early Wittgensteinian Dialogism: Stances on the Impossibility of “Red and Green in the Same Slace”*. *Working Papers from the Wittgenstein Archives at the University of Bergen*, 2005, no. 17, pp. 313–325.
- Stepin V. S. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniia* [Classics, non-classics, post-non-classics: criteria for distinguishing], *Postneklassika: filosofii, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: philosophy, science, culture], Saint Petersburg, Mir, 2009, pp. 249–295.
- Strakhov N. N. *Mir kak tseloe. Cherty iz nauk o prirode* [World as a whole. Aspects of the natural sciences], Moscow, Airis-Press, 2007.
- Stubenberg L. *Schlick versus Husserl. Über Schlicks Unfähigkeit, das Wesen der phänomenologischen Wesenschau zu schauen. Traditionen und Perspektiven der analytischen Philosophie — Festschrift für Rudolf Haller*, Wien, Hölder-Pichler-Tempsky, 1989, pp. 157–172.
- Trendelenburg A. *Die logische Frage in Hegel's System*, Leipzig, Brockhaus, 1842.
- Trendelenburg A. *Logische Untersuchungen. Bd. I–II*, Berlin, Bethge, 1840.
- Veretennikov A. *Universitetskaia filosofii v SShA: istoriia neutralizatsii* [University philosophy in the United States: The Story of neutralizing]. *Istoriia i teoriia intelligentsii i intellektualov (Mysliashchaia Rossiia)* [History and Theory of the intelligentsia and intellectuals (Thinking Russia)] (ed. V. Kurennoi), Moscow, Fond Nasledie Evrazii, 2009, pp. 337–350.
- Weber M. *Nauka kak prizvanie i professiia* [Wissenschaft als Beruf]. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], Moscow, Progress, 1990.
- Wirtschaftler E. K. *Sotsial'nye struktury: raznochintsy v Rossiiskoi imperii* [Structures of Society: Imperial Russia's “People of Various Ranks”], Moscow, Logos, 2002.
- Witasek S. *Grundlinien der Psychologie*, Leipzig, Dürr'schen Buchhandlung, 1908.
- Wittgenstein und der Wiener Kreis. *Werktausgabe*. Bd. 3, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2001.